

УДК 340.130.24+340.132

ЗАПРЕТ И САНКЦИЯ НОРМЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.Н. Рыбушкин, А.В. Краснов

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам соотношения запрета как юридического средства, используемого на уровне диспозиции нормы права, и санкции последней. Указанное соотношение исследуется через призму предмета правового регулирования запрещающей нормы права, который охватывает как диспозицию, так и санкцию. При этом показано взаимодействие названных элементов на структурном и функциональном уровнях. Анализируется также метод правового регулирования запрещающей нормы и его проявление на уровне диспозиции и санкции.

Ключевые слова: норма права, запрет, санкция нормы права, запрещающая норма права, структура нормы права, предмет правового регулирования, метод правового регулирования.

Проблемы места и роли тех или иных юридических средств в механизме правового регулирования не теряют своей актуальности в связи с необходимостью осмысления вопросов соотношения их формы и содержания, взаимодействия между собой. В рамках настоящей статьи поставлена цель исследования запрета, содержащегося в норме права, и санкции нормы права, содержащей запрет, а также взаимодействия и взаимообусловленности запрета и санкции.

Выяснение природы правовых запретов, как и санкций, невозможно без учета объективных закономерностей, с которыми связаны реальные жизненные отношения, регулируемые правом. Многообразие подходов к понятиям запрета и санкции осложняет их содержательную характеристику, поскольку речь, на наш взгляд, идет не столько о разных гранях явлений, сколько о взаимосвязанных юридических феноменах, находящихся в разных понятийных рядах правовых категорий.

В теории права выделяют различные структурные понятийные ряды: норма права, система права, форма (источники) права, законность, осуществление права, правовое отношение, правопорядок [1, с. 13–16]. Нормы права, содержащие запрет (запрещающие нормы), относятся к структурно-понятийному ряду категории «норма права», а запрет как средство правового регулирования – к понятийному ряду «метод правового регулирования», который входит в абстракцию основного понятийного ряда «система права». Кроме того, в последнее время запрет принято считать разновидностью правового ограничения в широком смысле [2, с. 94–95]. Что касается санкции, то она может пониматься достаточно

разнообразно [3, с. 16; 4, с. 6], однако применительно к нашему исследованию имеют значение прежде всего два ее аспекта: санкция как элемент нормы (и тогда санкция относится к понятийному ряду «элементы нормы права») и как средство воздействия, закрепляемое в одноименном элементе нормы (в этом случае санкция оказывается включенной в понятийный ряд «метод правового регулирования», так как именно содержание санкции часто показывает, как законодатель воздействует на тех лиц, которые совершили правонарушение либо специально поощряемое поведение; более того, способ применения и характер санкций могут рассматриваться как четвертый элемент метода правового регулирования [5, с. 108]).

В науке предлагается выделять общие запреты, которые не только воплощаются в запрещающие предписания, но и живут в виде общих запретов, выраженных в системе норм [6, с. 43–44; 7, с. 9–10]. Отметим по этому поводу, что законодатель при юридическом опосредовании упорядочиваемых общественных отношений в зависимости от их сферы, рода, вида и иных особенностей использует различные средства правового регулирования: дозволение, уполномочивание, положительное обязывание, поощрение, ограничение и т. д. В том случае, если законодатель использует запрет, создаваемая норма приобретает запрещающий характер и диспозиция запрещающей нормы указывает на форму, модель вытесняемого общественного отношения. Запрет как специфическое средство правового регулирования присутствует только в той норме, которая призвана вытеснить вредное общественное отношение, как уже существующее, так и предполагаемое, причем независимо от того, какой запрет – общий или конкретный имеется – в виду.

Метод правового регулирования, как нам кажется, есть сложное синтетическое понятие, в которое входят различные компоненты [8, с. 82]. И в структуре метода правового регулирования запрет существует наряду с другими средствами правового регулирования. Выбор средств в каждом конкретном случае не происходит произвольно, а обусловлен характером регулируемого общественного отношения. В тех случаях, когда правовые нормы направлены против вредных общественных отношений, основным содержанием их диспозиций становится запрет, что и является одной из причин обособления их в самостоятельный вид правовых норм – запрещающую норму.

Для уяснения взаимосвязи запрета и санкции необходимо четко определить предмет правового регулирования запрещающей нормы. Запрет не может иметь предметом своего регулирования отношения, которые вытесняются. При соблюдении запрета субъект права как бы отграничивает себя от вытесняемых отношений, не вступает в них. Поскольку запреты характерны для норм Особенной части Уголовного кодекса РФ [9, 10], вопрос о предмете регулирования запрещающих норм получил глубокую разработку в науке уголовного права.

Многие ученые в качестве предмета уголовно-правового регулирования рассматривают отношения, возникающие вследствие совершения преступления [11, с. 4]. При этом предупреждение с помощью запретов понимается как функция, и осуществляется оно лишь в рамках правового воздействия, а не правового регулирования. Нельзя, в соответствии с указанным мнением, считать, что граждане находятся в общих правоотношениях по соблюдению общих запретов, так как

далеко не все из них об этих запретах вообще знают, да и не могут все граждане сразу состоять в уголовно-правовых отношениях [12].

Указанная дискуссия идет достаточно давно. В свое время утверждалось, что запрещающие нормы прямо возлагают на граждан и должностных лиц соответствующие обязанности [13, с. 62, 129]. Против такого подхода высказывался Э. Дюркгейм [14, с. 76], а также советский ученый М.С. Строгович, который писал, что «...иначе получилось бы, что люди, строжайшим образом соблюдающие законы, всю свою жизнь только и делают, что исполняют свои обязанности не совершать того, что запрещено уголовным законом, и что каждый их шаг есть выполнение ими обязанностей, возложенных на них нормами уголовного права» [15, с. 56–57].

В то же время, по нашему мнению, очевидно, что принадлежность лицу обязанности не может зависеть от субъективного фактора, а именно от осознания сего момента человеком и от его мотивов. Иначе можно прийти к абсурдным выводам о том, что у полуграмотного гражданина нет ни прав, ни обязанностей (если человек соблюдает запрет из моральных или религиозных побуждений, то он не совершает правомерного и вообще юридически значимого поведения¹), а также о том, что незнание закона освобождает от юридической ответственности², которая, кстати, тоже часто формулируется через принудительно исполняемую обязанность [16, с. 4], обязанность претерпевать лишения [17, с. 4; 18, с. 11, 19, с. 39], обязанность дать отчет [20, с. 4, 11, 16]. Наделение субъектов обязанностями, пусть и пассивными, есть все же составляющая метода правового регулирования, а не часть правового воздействия. Собственно, категория общерегулятивных правоотношений в связи с этим годится отнюдь не только для конституционных, но и для отраслевых прав и обязанностей. Мы совершенно согласны с тем, что «первая и основная (всеохватывающая) форма реализации права – соблюдение – осуществляется не помимо, как принято считать, а в рамках общих правоотношений» [21, с. 92]³. Причем имеются в виду общерегулятивные правоотношения [23, с. 136–137; 24, с. 185–207], так как запрет прежде всего играет регулятивную роль, которая заключается во властном воздействии на складывающиеся в обществе общественные отношения, направлении внешнего поведения их участников по тем общим образцам и велениям, которые установлены или санкционированы государством [25, с. 41–42]. Охранительное же правоотношение носит конкретный характер и возникает в случае нарушения запрета и реализации санкции запрещающей нормы права.

Подход к предмету регулирования запрещающей нормы только как к применению санкции по существу исключает диспозицию из нормы (ведь получается, что диспозиция не регулирует, а лишь воздействует; впрочем, если следовать

¹ «Но правильно ли, что запреты обращены только к антисоциальным лицам? Если да, то получается, что граждане, обладающие высоким моральным и правовым сознанием, не соблюдают их, раз они им не адресованы. Что же они в таком случае соблюдают? Если только моральные нормы, то их поведение объективно соответствует требованиям правовых запретов и, следовательно, они соблюдают также и последние. Отсюда можно сделать вывод, что запреты адресованы всем гражданам, а не только тем, кто склонен их нарушать» [7, с. 45].

² Тогда как, по справедливому замечанию А.Г. Братко, «незамеченных» правоотношений, то есть не осознаваемых участниками, можно встретить достаточно много [7, с. 47].

³ Схожую позицию занимает С.С. Алексеев (см. [22, с. 143]).

указанной логике, то воздействовать она тоже может далеко не всегда, а лишь когда такое воздействие осознается субъектом).

Существуют и иные трактовки предмета уголовно-правового регулирования, когда в него включаются и отношения в связи с соблюдением уголовно-правовых запретов (см. [26, с. 26; 27, с. 6]). В ходе соблюдения запрещающих норм, в том числе в уголовном праве, субъект права отграничивает себя от вытесняемых общественных отношений, не вступает в них. Отношение, которое выражается в отграничении (обособлении) субъекта от вредного отношения, и является предметом уголовно-правового регулирования. Именно в этом проявляется весьма существенная специфика запрещающих норм. Другие виды норм права упорядочивают, как правило, то общественное отношение, модель которого содержится в их диспозиции.

В литературе отмечалось [28, с. 141–143; 8, с. 278; 25, с. 3–20], что формами бытия общественных отношений могут являться общение, односторонние контакты, зависимости и отграничения людей, их общностей и образований. Для регулирования общественных отношений, выражающихся в двухстороннем общении, применяются представительско-обязывающие нормы, в которых четко обозначается модель связи субъектов по взаимным правам и обязанностям. Когда упорядочиваемое общественное отношение формой своего бытия имеет односторонние контакты, при которых нет «обратной зависимости контрагента», используются обязывающие и уполномочивающие нормы. Запрещающие же нормы предметом своего регулирования имеют те общественные отношения, которые выражены в форме отграничений (обособлений) субъекта от вытесняемых общественных отношений.

Итак, указания лишь на отграничение субъекта или только на применение к нему санкций недостаточно для определения предмета регулирования запрещающей нормы. Обязательными ее элементами является и диспозиция, регулирующая отграничение, и санкция, которая регулирует отношения, связанные с применением мер ответственности к нарушителю запрещающей нормы. Без санкции запрещающая норма превращается в некую рекомендацию, так как государственная обеспеченность – один из существенных признаков нормы права.

Ядром запрещающей нормы, таким образом, выступает диспозиция, содержащая обязанность пассивного воздержания от того или иного поведения. «Запрещение определенного действия эквивалентно обязанности нес совершения этого действия» [29, с. 5], – справедливо отмечает А.В. Малько. С регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания – обязанностях воздерживаться от совершения действий известного рода, причем такие обязанности не всегда конкретизированы по содержанию и адресатам [30, с. 205–206].

Однако в достаточной ли мере указание лишь на пассивную обязанность отражает существо правового запрета? Дискуссионность данного вопроса связана и с тем, что до настоящего времени нет единого мнения по поводу того, что же включать в понятие правовой нормы вообще. В юридической литературе нередко можно встретить определение нормы права как общеобязательного, формально-определенного правила поведения, установленного и обеспечиваемого государством и направленного на урегулирование общественных отношений

[31, с. 187–188]. На наш взгляд, такое определение не фиксирует всего богатства содержания нормы права. В частности, нуждается в уточнении указанное выше и ставшее традиционным утверждение, что запрещающая норма (как и в целом все нормы уголовного права) представляет собой единичное правило поведения. Такой подход, с нашей точки зрения, ведет к смешению запрещающей нормы уголовного права как целостного образования с одной из ее структурных частей – диспозицией, тогда как любое определение нормы права должно учитывать все ее элементы и их особенности.

В науке юридическая обязанность определяется как вид и мера государственно-целесообразного, разумного, должного поведения, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь [32, с. 285]. К этому также добавляются такие признаки, как определенность и юридическая гарантированность [8, с. 300]. В структуре обязанности выделяют несколько элементов. Это необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них; необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему требования управомоченного; необходимость нести юридическую ответственность за неисполнение этих требований; необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право [33, с. 492]. Получается, что третий элемент «намертво» связывает обязанность санкцией. При этом «санкция выступает своеобразным мериллом категоричности требований, предписанных в качестве обязанности, ее социальной значимости и целесообразности» [34, с. 19].

Можно говорить о том, что существует жесткая сцепка между диспозицией и санкцией запрещающей нормы через обязанность пассивного типа. Диспозиция плавно «перетекает» в санкцию через один из элементов структуры юридической обязанности (обязанность нести юридическую ответственность при совершении правонарушения). И если диспозиция предполагает наличие связи между субъектами, то эта связь не исчезает и не может исчезнуть применительно к санкции. Более того, в науке прямо или косвенно высказывалось суждение о том, что санкция правовой нормы может выступить как диспозиция применительно к тем или иным субъектам [35, с. 46; 36, с. 12, 14, 20; 37, с. 66–67]. При этом давно выдвигается предложение рассматривать санкцию с учетом связи специфических прав и обязанностей [35, с. 45]. Указание на санкцию правовой нормы просто как на последствия деяния обедняет ее содержание, не может в полной мере показать, каким образом строится связь между участниками правоотношения на уровне реализации санкции. Сказанное подчеркивает многообразие структурных форм, их зависимость от контекста регулирования.

Возвращаясь к вопросу о методе правового регулирования, отметим, что запрет как средство правового регулирования показывает прежде всего особенности диспозиции нормы права. Однако в силу упомянутой нами сцепки диспозиции и санкции запрещающей нормы существенные особенности последней также коренятся и в ее санкции. Традиционно считалось, что санкция должна носить отрицательный характер, то есть предусматривать применение к правонарушителю принудительных мер [38, с. 267; 39, с. 57; 37, с. 70–78; 16, с. 77]. Однако в науке достаточно давно ставится вопрос о поощрительных нормах

(см., в частности, [40, с. 24; 41, с. 5–6] и др.); кроме того, все активнее ведется исследование поощрительных санкций (см. [42–44] и др.).

Все правовые средства с точки зрения информационно-психологического воздействия права делятся на правовые стимулы и ограничения (см. [2]). Нужно иметь в виду, что по методу регулирования отношений применительно к запрещающим нормам можно говорить о наличии двух групп юридических средств в информационно-психологическом плане: средства, которые призваны склонять к желаемому поведению через угрозу наказанием, и средства, в которых подобным стимулятором являются юридические гарантии определенного поощрения – освобождение от ответственности, смягчение наказания и правового обременения (см., например, [45]).

Подводя итог сказанному, мы можем утверждать, что взаимодействие запрета и санкции в запрещающих нормах прав носит сущностный характер, так как ключевые, глубинные характеристики запрещающих норм касаются как диспозиции, так и санкции запрещающей нормы, находящихся в органичном единстве. И предмет, и метод правового регулирования запрещающих норм не могут быть познаны без исследования указанных двух элементов нормы, в которых они находят свое отражение.

Summary

N.N. Rybushkin, A.V. Krasnov. Inhibition and Sanction of a Legal Norm in Terms of the Subject and the Method of Legal Regulation.

The article deals with some aspects of the correlation between the inhibition as the legal means used at the level of the disposition of a legal norm, and sanction of the latter. This correlation is investigated in the light of the subject of legal regulation of the inhibiting legal norm, which includes both disposition and sanction. The article shows the interaction of the named elements at the structural and functional levels. The method of the legal regulation of the inhibiting norm and its display at the levels of disposition and sanction is analyzed.

Key words: norm of law, inhibition, sanction of legal norm, inhibiting legal norm, structure of legal norm, subject of legal regulation, method of legal regulation.

Литература

1. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты, разработки, системы, категории теории права. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
2. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2005. – 256 с.
3. *Ковалюнас Д.А.* Санкции в публичном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2000. – 248 с.
4. *Краснов А.В.* Правовые санкции в экономической сфере: теоретический и цивилистический аспекты. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2003. – 128 с.
5. *Киселева О.М.* Поощрение как метод правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 197 с.
6. *Алексеев С.С.* Правовые запреты в структуре советского права // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 43–51.
7. *Братко А.Г.* Запреты в советском праве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – 92 с.
8. *Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф.* Проблемы теории государства и права. – Казань: Спектр, 2000. – 315 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2009 № 383-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
10. Рос. газета. – 2009. – 31 дек.
11. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юристъ, 1996. – 560 с.
12. *Ляпунов Ю.* Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 48–52.
13. *Кечекьян С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
14. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 574 с.
15. *Строгович М.С.* Вопросы теории правоотношения // Сов. государство и право. – 1964. – № 6. – С. 51–61.
16. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. – М.: Юрид. лит., 1976. – 215 с.
17. *Петелин А.И.* Соотношение правовой и общественной ответственности в социалистическом обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968. – 18 с.
18. *Романов В.М.* Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 26 с.
19. *Шиндяпина М.Д.* Стадии юридической ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – 211 с.
20. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 456 с.
21. *Матузов Н.И.* Общие правоотношения как разновидность социалистических правовых отношений // Вопросы теории государства и права: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – Вып. 4. – С. 66–96.
22. *Алексеев С.С.* Общая теория социалистического права. Введение. Сущность социалистического права. Курс лекций: Учеб. пособие. Вып. 1 / Ред. О.А. Красавчиков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. – 265 с.
23. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО СГАП, 2003. – 512 с.
24. *Разгильдиев Б.Т.* Уголовно-правовые отношения и реализация задач уголовного права / Ред. Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 320 с.
25. *Рыбушкин Н.Н.* Запрещающие нормы в советском праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 111 с.
26. *Наумов А.В.* Реализация уголовного права и деятельность следователя. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1983. – 84 с.
27. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов. – М.: Спарк, 1997. – 454 с.
28. *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношений. – М.: Юрид. лит., 1980. – 176 с.
29. *Малько А.В.* Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти, 1997. – Вып. 2. – С. 5–10.
30. *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 810 с.

31. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.
32. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО СГАП, 2003. – 285 с.
33. Теория государства и права: Курс лекций // Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – 672 с.
34. *Ем В.* Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – 25 с.
35. *Черданцев А.Ф.* Специализация и структура норм права // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1970. – № 1. – С. 41–49.
36. *Тулиглович М.А.* Структура уголовно-правовой нормы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – 22 с.
37. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / Под ред. проф. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 279 с.
38. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.
39. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.
40. *Баранов В.М.* Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 147 с.
41. *Елеонский В.А.* Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1984. – 108 с.
42. *Гущина Н.А.* Поощрение в праве: Теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2004. – 38 с.
43. *Мирошник С.В.* Теория правового стимулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 40 с.
44. Поощрительные санкции в праве: реальность и юридическая конструкция / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО СГАП, 2008. – 304 с.
45. *Романов А.К.* Состояние и задачи методологических исследований уголовно-правового регулирования общественных отношений // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений: Сб. науч. тр. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. – С. 16–29.

Поступила в редакцию
12.02.10

Рыбушкин Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Краснов Александр Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Казанского филиала Российской Академии правосудия (г. Москва).

E-mail: field08@mail.ru